

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОЛЬШИХ
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ
РЕШЕНИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
СУВЕРЕНИТЕТА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**

Резюме

Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ), в особенности больших фундаментальных моделей (БФМ), и необходимостью формирования адекватного правового регулирования, способного обеспечить баланс между стимулированием инноваций, защитой прав и свобод человека, а также достижением технологического суверенитета. В 2026 году произошли знаковые события в сфере правового регулирования ИИ как на наднациональном, так и на национальном уровнях: в Европейском союзе принят и вступил в силу Регламент (ЕС) 2026/1744 (Digital Omnibus on AI), упрощающий имплементацию гармонизированных правил, заложенных в AI Act (Regulation (EU) 2024/1689), а в Российской Федерации принят и вступает в силу Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». В работе проанализированы нормативные правовые акты, судебная практика 2025–2026 годов, а также доктринальные источники, включая работы Т.Я. Хабриевой, Ю.С. Харитоновой, В.С. Савиной и других авторов.

Цель – комплексный сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию больших фундаментальных моделей ИИ в Европейском союзе и Российской Федерации, а также выявление проблемных аспектов применения генеративного ИИ в юридической практике и формулирование предложений по

совершенствованию российского законодательства в контексте обеспечения технологического суверенитета.

Метод или методология проведения работы: в статье использовались общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Результаты: выявлены ключевые различия в подходах ЕС и России к регулированию БФМ ИИ; установлено, что российский законодатель избрал рамочный, стимулирующий подход с акцентом на поддержку отечественных разработчиков и достижение технологического суверенитета, тогда как европейский подход сохраняет риск-ориентированную архитектуру с элементами упрощения; обоснована необходимость дальнейшей конкретизации положений Федерального закона № 243-ФЗ в части ответственности за вред, причинённый ИИ, а также введения процессуальных требований к раскрытию использования генеративного ИИ в судопроизводстве.

Область применения результатов: полученные выводы могут быть использованы в законотворческой деятельности, правоприменительной практике, а также в научных исследованиях и учебном процессе по дисциплинам цифрового права и правового регулирования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие фундаментальные модели, правовое регулирование, AI Act, Digital Omnibus on AI, Федеральный закон № 243-ФЗ, технологический суверенитет, генеративный ИИ, юридическая практика, ответственность.

Summary

The relevance of this study is due to the rapid development of artificial intelligence (AI) technologies, in particular large fundamental models (LFMs), and the need to form adequate legal regulation capable of ensuring a balance between stimulating innovation, protecting human rights and freedoms, and achieving technological sovereignty. In 2026, landmark events occurred in the field of legal regulation of AI at both supranational and national levels: in the European Union,

Regulation (EU) 2026/1744 (Digital Omnibus on AI) was adopted and entered into force, simplifying the implementation of the harmonised rules laid down in the AI Act (Regulation (EU) 2024/1689), and in the Russian Federation, Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026 "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" was adopted and is entering into force. The work analyses normative legal acts, judicial practice of 2025–2026, as well as doctrinal sources, including the works of T.Ya. Khabrieva, Yu.S. Kharitonova, V.S. Savina and other authors.

Purpose

A comprehensive comparative legal analysis of approaches to the regulation of large fundamental AI models in the European Union and the Russian Federation, as well as identifying problematic aspects of the use of generative AI in legal practice and formulating proposals for improving Russian legislation in the context of ensuring technological sovereignty.

Methodology – the research employs general scientific methods (analysis, synthesis, systemic approach) and specific scientific methods of legal science (formal legal, comparative legal, method of interpretation of legal norms).

Results – key differences in the approaches of the EU and Russia to the regulation of LFM AI are identified; it is established that the Russian legislator has chosen a framework, stimulating approach with an emphasis on supporting domestic developers and achieving technological sovereignty, while the European approach retains a risk-oriented architecture with elements of simplification; the necessity of further specifying the provisions of Federal Law No. 243-FZ regarding liability for harm caused by AI, as well as introducing procedural requirements for disclosure of the use of generative AI in legal proceedings, is substantiated.

Practical implications – the conclusions obtained can be used in law-making activities, law enforcement practice, as well as in scientific research and the educational process in the disciplines of digital law and legal regulation of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, large fundamental models, legal regulation, AI Act, Digital Omnibus on AI, Federal Law No. 243-FZ, technological sovereignty, generative AI, legal practice, liability.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, в особенности больших фундаментальных моделей (далее — БФМ), способных решать широкий круг интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с человеком, ставит перед правовой системой принципиально новые вызовы. Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, искусственный интеллект порождает проблемы правовой идентификации, поскольку традиционные юридические конструкции, ориентированные на человека как субъекта права, не всегда применимы к системам, обладающим элементами автономности и самообучаемости [5, 15]. В этих условиях особую значимость приобретает формирование сбалансированного правового регулирования, которое, с одной стороны, не должно сдерживать технологические инновации, а с другой — обязано обеспечить защиту прав и свобод граждан, безопасность и общественный порядок. В 2026 году произошли знаковые события в сфере правового регулирования ИИ как на наднациональном, так и на национальном уровнях, что делает их комплексный анализ особенно своевременным.

Европейский союз, сохраняя лидирующие позиции в нормативном регулировании ИИ, принял 8 июля 2026 года Регламент (ЕС) 2026/1744, известный как Digital Omnibus on AI, который вступил в силу 27 июля 2026 года и вносит изменения в базовый Регламент (ЕС) 2024/1689 (AI Act) [2, 8, 12]. Примечательно, что европейский законодатель не отказался от риск-ориентированной архитектуры, заложенной в AI Act, но существенно упростил процедуры имплементации. Как указано в преамбуле Регламента 2026/1744, задержка в подготовке стандартов, предоставляющих технические решения для поставщиков систем ИИ высокого риска, а также задержка в создании структур управления и систем оценки соответствия на национальном уровне привели к тому, что бремя соблюдения требований оказалось более тяжёлым, чем

ожидалось [12]. В этой связи были внесены точечные изменения, направленные на обеспечение эффективного, простого и единообразного применения соответствующих правил без снижения уровня защиты здоровья, безопасности и основных прав от рисков, связанных с ИИ [12].

Ключевые элементы европейского регулирования БФМ ИИ, сохранённые и после принятия Digital Omnibus on AI, включают: классификацию систем ИИ по уровням риска (неприемлемый риск — запрещённые практики, высокий риск, ограниченный риск, минимальный риск); специальные обязательства для провайдеров моделей общего назначения (GPAI), включая требования к прозрачности, раскрытию информации об обучении и соблюдению авторских прав; а также обязательства по постмаркетинговому мониторингу для систем высокого риска [8]. Вместе с тем упрощение процедур, введённое Digital Omnibus on AI, касается, в первую очередь, гармонизации процедур оценки соответствия и снижения административной нагрузки на малые и средние предприятия, что свидетельствует о стремлении европейского регулятора найти баланс между жёсткостью правил и практической реализуемостью.

Российская Федерация, в свою очередь, избрала принципиально иной подход, приняв 26 июля 2026 года Федеральный закон № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [4]. Документ опубликован 26 июля 2026 года, принят Государственной Думой 8 июля, одобрен Советом Федерации 17 июля и вступает в силу с 1 сентября 2026 года, за исключением отдельных положений, для которых установлен иной срок — 1 марта 2027 года [4]. Закон носит рамочный характер и направлен на поддержку ускоренного развития технологий искусственного интеллекта в России [4]. Предметом его регулирования являются большие фундаментальные модели ИИ, их разработка, внедрение, использование и применение [4].

Законодатель даёт чёткое определение БФМ ИИ: это программа для ЭВМ, основными характеристиками которой являются выполнение большого количества интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с человеком, предоставление информации, принятие решений или прогнозирование

результатов по заданным человеком целям, а также содержание в такой программе не менее 1 млрд параметров [4]. Примерами продуктов, основанных на применении БФМ ИИ, являются как российские решения (YandexGPT, GigaChat), так и зарубежные (Gemini, ChatGPT, DeepSeek) [4]. Закон вводит две категории моделей: суверенные и национальные [4]. Суверенная модель должна принадлежать российскому юридическому лицу, все стадии разработки и обучения проходят под его контролем, весь цикл технически воспроизводим, а ответы пользователям и хранение данных обеспечиваются российскими центрами обработки данных. Национальная модель также разрабатывается российским юрлицом, но допускается использование иностранных компонентов и других моделей при условии их доступности по открытой лицензии, при этом ключевые характеристики остаются под контролем российского разработчика. Оба статуса присваиваются в порядке, установленном Правительством РФ, которое также определяет случаи обязательного использования только суверенных или национальных моделей в информационных системах [4].

Закон закрепляет основные принципы правового регулирования ИИ: безопасность, технологическая независимость, обеспечение прав и свобод человека, риск-ориентированный подход, создание благоприятных условий для развития технологий, учёт традиционных российских духовно-нравственных ценностей [4]. Важной новацией является закрепление мер поддержки разработчиков, в том числе в части доступа к данным, необходимым для обучения моделей [4]. Полномочия в сфере ИИ распределены между Президентом РФ, Правительством РФ, федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами, государственными корпорациями и Банком России [4]. Для разработчиков суверенных и национальных моделей закон устанавливает три базовые обязанности: принятие организационных и технических мер безопасности; описание правил эксплуатации, обновления и вывода модели из работы; ведение технической документации с ключевыми параметрами и ограничениями, достаточной для оценки безопасности. Крупные сайты, приложения и информационные системы с суточной аудиторией более

500 тыс. пользователей в России должны предоставить пользователям инструмент для предупреждения об ИИ-контенте в аудио- и визуальной форме, однако закон не требует автоматической маркировки всех типов контента, созданного нейросетью, ограничиваясь аудио- и визуальными форматами [4]. Для уже работающих систем предусмотрен переходный период до 1 сентября 2032 года [4].

Особого внимания заслуживает применение генеративного ИИ в юридической практике, которое порождает серьёзные риски. В судебной практике 2025–2026 годов фиксируются случаи использования сгенерированной искусственным интеллектом недостоверной информации, включая несуществующие судебные акты с прямыми цитатами из них [3, 13]. Как отмечается в научной литературе, проблема «галлюцинаций» искусственного интеллекта — то есть генерации нейросетями ложной информации, выдаваемой за достоверную — остаётся одной из ключевых [2]. Верховный Суд Российской Федерации по поручению Председателя И.В. Краснова проводит масштабное обобщение практики по делам, связанным с применением технологий искусственного интеллекта [3, 13]. Основное внимание уделяется вопросам возмещения ущерба, причинённого решениями ИИ, а также защите чести, достоинства и деловой репутации в случаях распространения порочащих сведений, включая дипфейки [2, 3]. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», которым обязал участников гражданского судопроизводства сообщать суду о фактах, полученных с использованием технологий ИИ [3, 13]. Как пояснил председатель правления Ассоциации юристов России В. Груздев, «впервые на уровне пленума разъяснено: если сторона представила сведения о фактах, полученных с использованием нейросети, она обязана уведомить об этом суд» [13].

Сравнительный анализ подходов ЕС и России позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия. Общим является признание необходимости специального правового регулирования БФМ ИИ, понимание

рисков, связанных с их использованием, и стремление создать благоприятные условия для инноваций. Различия же носят более глубокий характер. Европейский подход, реализованный в AI Act и уточнённый Digital Omnibus on AI, является преимущественно запретительно-разрешительным, основанным на детальной классификации рисков и установлении конкретных обязательств для разработчиков и поставщиков. Российский подход, напротив, является рамочным и стимулирующим, с акцентом на поддержку отечественных разработчиков, достижение технологического суверенитета и создание национальных и суверенных моделей ИИ [7]. Развитие отечественных технологий искусственного интеллекта является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере цифровой экономики, что закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490) [2].

Вместе с тем рамочный характер Федерального закона № 243-ФЗ, хотя и обеспечивает гибкость правового регулирования, порождает определённые риски правовой неопределённости. В частности, закон не содержит детальных норм об ответственности за вред, причинённый использованием БФМ ИИ, отсылая к общим положениям гражданского законодательства. В условиях, когда Верховный Суд РФ уже начал обобщение практики по делам, связанным с ИИ, возникает настоятельная необходимость в разработке специальных правил о распределении ответственности между разработчиком, поставщиком и пользователем БФМ ИИ, особенно в случаях автономного принятия решений. Как подчёркивают Ю.С. Харитонов и В.С. Савина в своей монографии, цивилистическая концепция регулирования ИИ требует пересмотра традиционных институтов ответственности с учётом специфики алгоритмических систем [6, 14].

Кроме того, нуждается в дальнейшей конкретизации вопрос о правовом статусе результатов, созданных с использованием БФМ ИИ, включая проблему авторства и охраноспособности таких результатов. Закон № 243-ФЗ лишь

косвенно затрагивает эту проблему, предусматривая обязанность платформ сообщать пользователю, кому принадлежат права на полученный результат, однако не даёт ответа на вопрос о том, может ли результат, созданный ИИ, признаваться объектом авторского права [4].

Представляется также целесообразным развитие процессуальных норм, регулирующих использование генеративного ИИ в судопроизводстве. Требование Верховного Суда РФ о раскрытии факта использования ИИ является важным шагом в правильном направлении, однако оно нуждается в законодательном закреплении и конкретизации последствий его нарушения. В частности, целесообразно установить обязанность стороны, использующей ИИ для подготовки процессуальных документов, указывать на это в тексте документа с описанием объёма и характера вмешательства ИИ, а также предусмотреть механизмы проверки достоверности информации, сгенерированной ИИ.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. 2026 год стал поворотным в правовом регулировании больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта как на наднациональном, так и на национальном уровнях. Европейский союз принял и ввёл в действие Регламент 2026/1744 (Digital Omnibus on AI), упрощающий имплементацию риск-ориентированных правил AI Act, а Российская Федерация — Федеральный закон № 243-ФЗ, закрепляющий рамочный, стимулирующий подход к регулированию БФМ ИИ. Российский подход, в отличие от европейского, акцентирует внимание на достижении технологического суверенитета, вводя категории суверенных и национальных моделей ИИ, устанавливая меры поддержки отечественных разработчиков и определяя приоритет использования российских решений в информационных системах. Применение генеративного ИИ в юридической практике сопряжено с рисками «галлюцинаций», что уже привело к формированию судебной практики как в России, так и за рубежом. Верховный Суд РФ начал масштабное обобщение практики по делам, связанным с ИИ, и ввёл требование о раскрытии факта использования ИИ в судопроизводстве.

Рамочный характер Федерального закона № 243-ФЗ, обеспечивая гибкость, одновременно создаёт потребность в дальнейшей конкретизации норм об ответственности за вред, причинённый ИИ, о правовом статусе результатов, созданных с использованием ИИ, а также о процессуальных последствиях использования генеративного ИИ. В целях совершенствования российского регулирования представляется необходимым: разработка специальных правил о распределении ответственности между разработчиком, поставщиком и пользователем БФМ ИИ; законодательное закрепление требования о раскрытии использования генеративного ИИ в судопроизводстве с определением последствий его нарушения; дальнейшая разработка цивилистической концепции регулирования ИИ, учитывающей специфику автономных алгоритмических систем.

Список литературы

1. Галушко Д.В. Технологический суверенитет как новый императив государственного суверенитета: концептуальные основы и правовые механизмы реализации // Российский журнал правовых исследований. 2025. Т. 12, № 2. С. 19–30.
2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 7.
4. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003> (дата обращения: 07.08.2026).

5. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 7. С. 609–622. DOI: 10.31857/S0869587324070015.

6. Харитонов Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография. М.: Юстицинформ, 2025. 331 с.

7. European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts // COM(2021) 206 final, 21.4.2021.

8. European Parliament. European Parliament legislative resolution of 16 June 2026 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulations (EU) 2024/1689 and (EU) 2018/1139 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI) (COM(2025)0836 – C10-0304/2025 – 2025/0359(COD)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2026-0198_EN.html (дата обращения: 07.08.2026).

9. European Parliament. Report on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulations (EU) 2024/1689 and (EU) 2018/1139 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI) (A10-0073/2026). Committee on the Internal Market and Consumer Protection, Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs, 19.03.2026. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-10-2026-0073_EN.html (дата обращения: 07.08.2026).

10. Pollicino O., Paolucci F., Russo E. The Digital Omnibus on AI: provisional agreement of 7 May 2026 and its implications for High Risk AI

Systems. Pollicino AI Advisory, 14.05.2026. P. 1–6.
URL: <https://pollicinoaidvisory.eu> (дата обращения: 07.08.2026).

11. Ramadan F. (ed.). AI and the Legal Profession: Transforming the Future of Law. 2nd ed. Woking: Globe Law and Business, 2025.

12. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending certain Union legislative acts (Artificial Intelligence Act) // OJ L, 2024/1689, 12.7.2024.

13. Regulation (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of 8 July 2026 amending Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI) // OJ L, 2026/1744, 24.7.2026.

14. Schütte B. Product Liability in the Future framework of AI (Technology) Regulation // EU law in the digital age: Swedish Studies in European Law / Bergström M., Mitsilegas V. (eds.). Hart Publishing, 2025. P. 85–104.

15. Veale M., Borgesius F.Z. Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act // Computer Law Review International. 2021. Vol. 22, No. 4. P. 97–112.

16. Zech H. Information as Property // Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law. 2015. Vol. 6, No. 3. P. 192–197.

References

1. Galushko D.V. Tekhnologicheskiy suverenitet kak novyy imperativ gosudarstvennogo suvereniteta: kontseptual'nye osnovy i pravovye mekhanizmy realizatsii [Technological sovereignty as a new imperative of state sovereignty:

conceptual foundations and legal mechanisms of implementation]. Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy, 2025, vol. 12, no. 2, pp. 19–30.

2. Natsional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda [National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030]: approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10.10.2019. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2019, no. 41, art. 5700.

3. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.05.2026 № 15 «O podgotovke grazhdanskikh del k sudebnomu razbiratel'stvu» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 of 21.05.2026 "On the Preparation of Civil Cases for Judicial Review"]. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF, 2026, no. 7.

4. Federal'nyy zakon ot 26.07.2026 № 243-FZ «O podderzhke razvitiya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026 "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation"]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003> (accessed: 07.08.2026).

5. Khabrieva T.Ya. Pravovye problemy identifikatsii iskusstvennogo intellekta [Legal issues of the artificial intelligence identification]. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk, 2024, vol. 94, no. 7, pp. 609–622. DOI: 10.31857/S0869587324070015.

6. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. Iskustvennyy intellekt: tsivilisticheskaya kontseptsiya regulirovaniya [Artificial Intelligence: Civilistic Concept of Regulation]: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2025. 331 p.

7. European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial

intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts. COM(2021) 206 final, 21.4.2021.

8. European Parliament. European Parliament legislative resolution of 16 June 2026 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulations (EU) 2024/1689 and (EU) 2018/1139 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI) (COM(2025)0836 – C10-0304/2025 – 2025/0359(COD)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2026-0198_EN.html (accessed: 07.08.2026).

9. European Parliament. Report on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulations (EU) 2024/1689 and (EU) 2018/1139 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI) (A10-0073/2026). Committee on the Internal Market and Consumer Protection, Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs, 19.03.2026. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-10-2026-0073_EN.html (accessed: 07.08.2026).

10. Pollicino O., Paolucci F., Russo E. The Digital Omnibus on AI: provisional agreement of 7 May 2026 and its implications for High Risk AI Systems. Pollicino AI Advisory, 14.05.2026. P. 1–6. URL: <https://pollicinoaidvisory.eu> (accessed: 07.08.2026).

11. Ramadan F. (ed.). AI and the Legal Profession: Transforming the Future of Law. 2nd ed. Woking: Globe Law and Business, 2025.

12. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending certain Union legislative acts (Artificial Intelligence Act). OJ L, 2024/1689, 12.7.2024.

13. Regulation (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of 8 July 2026 amending Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI). OJ L, 2026/1744, 24.7.2026.

14. Schütte B. Product Liability in the Future framework of AI (Technology) Regulation. EU law in the digital age: Swedish Studies in European Law / Bergström M., Mitsilegas V. (eds.). Hart Publishing, 2025, pp. 85–104.

15. Veale M., Borgesius F.Z. Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act. Computer Law Review International, 2021, vol. 22, no. 4, pp. 97–112.

16. Zech H. Information as Property. Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 192–197.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Подтоптаный Александр Александрович, студент

Владивостокский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия»

ул. Стрелковая, д. 16в, г. Владивосток, 690034, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHOR

Podtoptanny Alexander Alexandrovich, student

Vladivostok Branch of the State Treasury Educational Institution of Higher Education «Russian Customs Academy»

Strelkovaya St., 16v, Vladivostok, 690034, Russian Federation